

Как отчаянно хочется жить!

Судьба офицера советской армии в воспоминаниях

Татьяна Груздева

Татьяна Груздева

**Как отчаянно хочется жить!
Судьба офицера советской
армии в воспоминаниях**

«Издательские решения»

Груздева Т.

Как отчаянно хочется жить! Судьба офицера советской армии
в воспоминаниях / Т. Груздева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536215-5

Случайно найденная тетрадь с воспоминаниями моего отца позволила узнать о нем удивительные вещи, заново познакомиться с человеком, о котором до этого я не думала, как о герое своего времени. Мне бы раньше прочитать эти записи, но я не подозревала, что в квартиремоей тётки, на антресолях, хранится такое сокровище! Нам, особенно нынешней молодежи, уже трудно представить себе людей середины 20 века «изнутри». Свидетельства отца дают такую возможность и важны будут не только моей семье.

ISBN 978-5-00-536215-5

© Груздева Т.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ: сокровище, найденное на антресолях	6
Часть первая. Воспоминания Сергея Александрова	7
Моя семья	7
Тайна подкидыша	7
И бесприданница любви достойна	8
В череде рождений возник и я	11
Любимая Балтика в годы войны (1941 – 1945)	14
Как я попал в бригаду морской пехоты...	14
И как был ранен в голову	14
Как выживал блокадный Ленинград	15
Трагический рейс на Новую землю (Дополнение к заметкам о Балтике)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Как отчаянно хочется жить! Судьба офицера советской армии в воспоминаниях

Татьяна Груздева

Редактор Татьяна Груздева

Дизайнер обложки Алиса Прошина

© Татьяна Груздева, 2023

© Алиса Прошина, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0053-6215-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая земля, 1946 год

ПРЕДИСЛОВИЕ: сокровище, найденное на антресолях

Да неужели же? Приемные родители моего дедушки вели натуральное хозяйство?! При помощи самодельных сохи и бороны... Я-то всегда считала, что подобное происходило очень давно, не позднее конца 19-ого века, но вот: между мной и дедом всего два поколения, что достаточно близко по меркам истории, а он помогал пахать землю сохой, да и другие реалии его жизни бесконечно далеки от меня. Интересное открытие позволила сделать старая тетрадь отца!

И оно не самое главное. Между мной и папой расстояние во времени еще меньше, но многое из того, что происходило с ним, представить тоже сложно. Тетрадь позволила мне узнать и об отце удивительные вещи, как бы заново познакомиться с человеком, о котором до этого я не думала как о герое своего времени. Мне бы раньше прочитать о предках, но я даже не подозревала, что в квартире моей тёти, на антресолях, хранится такое сокровище!

Когда и зачем я дала ей записи отца, совершенно не помню. Если это случилось вскоре после его смерти, то забывчивость неудивительна: сколько лет прошло! Сам факт, что тетрадь существует, стал призрачным. И вдруг дочь, которая по счастливой случайности унаследовала квартиру тёти, сказала:

– Мам, мы перед ремонтом антресоли разбирали... Посмотри, вроде бы почерк деда?

Да! Вот они, воспоминания. Но что значит для меня такая находка, я поняла не сразу. Сначала нужно было разобрать мелкий, бисерный, почти не читаемый почерк. На это ушло много времени: я расшифровывала буквально каждое слово и набирала прочитанные абзацы на компьютере. И только закончив работу, смогла воспринять текст целиком. Весь его смысл. Тогда и начались открытия...

К примеру, меня поразил такой момент: отец подал рапорт об отправке на передовую сразу после того, как в Петергофе погиб десант из нескольких сотен его товарищей, морских пехотинцев. Никто не вернулся... Отец итак уже служил в Кронштадте, в Управлении учебного отряда КБФ, итак много делал для Победы, но попросился еще и под самый огонь. Насколько же сильны были у людей его поколения чувства долга, совести, любви к родине!

Не хочу сказать, что моральные качества моих современников ниже. Но время другое и люди другие. Нам, особенно нынешней молодежи, трудно в полной мере представить себе «изнутри» людей той эпохи. Свидетельства отца дают такую возможность, поэтому будут важны не только моей семье.

Его воспоминания составляют главную часть этой книги. Но они заканчиваются 1945-ым годом. О том, как сложилась судьба отца дальше, пришлось рассказать мне, в детских воспоминаниях Татьяны Александровой. В конце книги – уже не хроника, а литературные произведения, в которых некоторые события показаны «крупным планом», я дала их под своим нынешним именем – Татьяна Груздева.

Часть первая. Воспоминания Сергея Александрова

Моя семья

Тайна подкидыша

Отец мой родился в 1885 году в городе Ленинграде (тогда Петрограде). Кто были его родители, он так и не узнал до конца своей жизни. По семейной легенде, грудного ребенка сначала подкинули на крыльцо достаточно богатого петроградского дома, в добротное одеяльце была вложена записка, которая сообщала, что младенец крещен Александром. Дальше в записке шла просьба позаботиться о малыше и обещалась награда в будущем. Но обитателям дома, которые нашли у своего порога такой сюрприз, ребенок был не нужен, и его отнесли в приют.

Так тогда называли детские дома для сирот и подкидышей. Назван подкидыш был Александром – согласно записке. Фамилию и отчество ему дали тоже по этому имени: Александр Александрович Александров. Позднее Сашу взяли из приюта на воспитание бездетные супруги Куликовы, крестьяне села Посолодино Хмеро-Посолодинской волости Петроградской губернии.

Его приемного отца звали Василий Васильевич, а приемную мать – Анной. Записку, найденную при младенце, приемным родителям отдали, что и дало основание для семейной легенды, а также позволяло предположить, что настоящие родители Саши были далеко не простолюдными.

Семья Куликовых вела подлинно натуральное хозяйство. Из своего надела земли они получали почти все необходимое для существования: хлеб, мясо, сало, овощи, одежду, обувь и т. д. Из льна, конопли и овечьей шерсти пряли пряжу и ткали холсты, а из них шили одежду; для нижнего белья холсты специально выбеливали, расстилая их зимой на несколько дней на снег, ткань получалась нежной. Из шкур забитого на мясо скота (овец, телят) после их специальной выделки шили полушубки, тулупы, обувь; из овечьей шерсти изготавливали валяную обувь. Из внутренностей животных варили мыло. Из семян льна и конопли изготавливали растительное масло.

Покупали только самое необходимое: керосин, спички, соль, деготь, сапожный вар, иголки и медный купорос для варки мыла. Чай и сахар покупали только по праздникам. Землю обрабатывали сохой и деревянной бороной, которая делалась из прикрепленных вплотную друг к другу тонких стволов молодых елей с часто расположенными прямыми сучьями, выполнявшими роль зубьев бороны.

Благодаря тому, что семья была небольшой, даже при таком примитивном натуральном хозяйстве Куликовы сводили концы с концами и были довольны своей жизнью.

Были они набожны, каждое воскресенье ходили в церковь, исполняли все посты и другие предписания церкви. Дальше своего Посолодино они всю жизнь никуда не выезжали, тем более что церковь была в своем селе, и каждый большой престольный праздник в этом же селе происходили ярмарки, куда съезжались крестьяне из всей волости и приезжали купцы из ближайших городов: Луги и Пскова, а иногда из Петрограда.

В эти дни можно было продать излишки сала, масла, мяса и других сельскохозяйственных продуктов и купить необходимые промышленные товары. Ни политика, ни наука и техника не доходили до сознания Куликовых. Были они оба абсолютно безучастными и всю жизнь копались на своем участке земли, как черви. Все их помыслы были подчинены только тому,

чтобы иметь пищу, кров и одежду; духовная же их жизнь ограничивалась церковными обрядами. Они никогда не видели железной дороги и паровоза.

И все же моему отцу повезло, что его усыновили именно Куликовы: они, хотя и были крестьянами, но жили не в деревне, а в селе, имеющем церковь. Такие села становились центром экономической и культурной жизни всей волости. Там, как я уже написал, проходили ярмарки, там была церковно-приходская школа.

Мой отец такую школу закончил настолько успешно, что местный батюшка, человек, судя по всему, неплохо образованный, продолжил индивидуальные занятия с талантливым подкидышем. Диплома Саше, настоятель прихода, конечно же, дать не мог, но в то время ценились не документы об образовании, а реальные знания.

Знания же Саша хватал на лету и словно из воздуха. Ох, не простым было его происхождение! Жаль, что тайну эту разгадать невозможно...

И бесприданница любви достойна

Посещая индивидуальные занятия с батюшкой, отец мой сталкивался в его доме и с другими духовными лицами сельского прихода. А к дьякону Кулагину ходил иногда с поручениями батюшки. И вот там заметил симпатичную девушку – Матрёну. Она была единственной прислугой у дьякона, и уже не один год выполняла всю работу по его дому, следила за порядком в семье. Все это за мизерную плату, в основном за еду и кров.

Домишко родителей Матрёны находился в деревне Новоселки, в 100 км от нашего села, но там никто и не жил. Ее мать нанималась в прислуги, а ее отец пробивался разовыми заработками – помогал чинить крыши и тому подобное. Матрёну пристроили к Кулагину, когда она была еще 12-летней девочкой. Но работать уже умела! В доме дьякона все блестело чистой, еду подавали очень вкусную.

Не знаю, чем именно Матрена так понравилась Александру – хозяйственностью или приятной внешностью, но он решил на ней жениться. Объявил об этом Куликовым и сразу же встретил решительный отпор. Ведь родители Матрены – батраки! А девица – бесприданница!

Саша на своем настаивал и даже обратился за помощью к дьякону и батюшке, и те охотно выступили посредниками. Кулагин решил отблагодарить девушку за много лет работы, помогая ей выйти замуж.

Мои дед и бабушка были людьми набожными, поэтому не смогли не подчиниться советам духовных лиц и нажиму дьякона, но с первых же дней жизни молодых бабка невзлюбила невестку, обзывала бесприданницей, голодранкой и тому подобное. Дед, хотя и смирился с выбором сына, заступаться за молодых не смел, так как боялся гневливого характера жены. Я думаю, что отец мой по-настоящему любил мать, но, отстояв право жениться на ней, защитить ее в доме Куликовых не мог. Это его угнетало! Он начал искать выход из такой ситуации.

В то время был распространен отхожий промысел: крестьяне уезжали на временную работу в город. Близость Петрограда позволяла крестьянам села Посолодино работать в городе буквально каждую зиму, чем пользовались многие соседи Куликовых. А сельская молодежь иногда перебиралась в Петроград и на постоянное место жительства.

Так поступил и мой отец. Зимой 1910 года он, уйдя на заработок в Петроград, решил остаться там навсегда. Устроился работать на мыловаренный завод Жукова, который производил особое мраморное мыло. Грамотность отца позволила ему занять достаточно высокое положение в заводском коллективе. Ему дали должность почтмейстера: он стал единственным служащим заводского почтового отделения.

Подыскав квартиру на Выборгской стороне в Лесном, отец забрал к себе мать, а Куликовым объявил, что в деревню больше не вернется. Его устройству на постоянное место житель-

ства в Петрограде способствовал дядя матери – Николай Дмитриевич Дмитриев, который жил и работал в Петрограде уже несколько лет.

Я его видел всего один раз за всю жизнь – в том же 1937 году, когда последний раз встретился и с дедом со стороны матери, и с ее сестрой, моей тётёй Наташей. Она меня и отвела к дяде Николаю, который, кстати, был еще и моим крестным отцом. Жил он где-то за Финляндским вокзалом. У них была большая светлая комната, хорошая обстановка. В семье их было трое: они с женой и сын, постарше меня лет на 8 – 10. Младшая сестра матери Наталья тоже смогла перебраться в Петроград насовсем и устроилась посудомойкой в пекарню.

У меня вообще мало сведений о родственниках со стороны матери, хотя ее родители, в отличие от Куликовых, были моими кровными дедушкой и бабушкой. Дед Василий Дмитриевич Дмитриев и его жена собственной земли не имели, были, по сути, батраками. Куликовы не считали их себе равными и почти с ними не общались.

Дед постоянно ходил то в Посолодино, то в Петроград, причем все переходы совершал пешком, питаясь во время пути милостыней. Кроме веревочных лаптей, я никогда не видел у него другой обуви. Когда, уже после возвращения моей семьи в Посолодино, дед Василий приходил к нам, то дней пять – семь не слезал с печи, отогревая свои усталые и отмороженные ноги.

Последний раз он был у нас в 1936 году, ему тогда уже исполнилось 80 лет. А самая последняя наша встреча произошла годом позже, когда он прекратил переходы и стал постоянно жить у младшей дочери. Тётя Наташа имела к тому времени небольшую полуподвальную комнатку на Большой Охте, работала в той же пекарне, но уже повыше в должности. Дед почти уже не мог ходить и сидел все время дома. Там мы с ним и встретились.

Тётя Наташа время от времени приезжала к нам в Посолодино, и я помню, что до 1937 года она была бездетной старой девой, а что случилось с ней потом – не знаю. С ней, дедушкой, с его братом дядей Николаем я после 37-ого года больше никогда не виделся, хотя и приехал на учебу в Ленинград. По молодости я не сообразил записать их адрес, а Ленинград знал недостаточно хорошо, чтобы найти эту улицу. Так мои родственники со стороны матери исчезли и растворились в вечности...

Но вернусь к воспоминаниям о моих родителях. В 1911 году у отца с матерью родился их первый сын, наш старший брат Вася. Крестной его стала тётя Наташа. У Васи с раннего возраста проявились хорошие способности: будучи 6-летним ребенком, он уже умел читать и писать. Это было странно, ведь основную часть времени Вася проводил с неграмотной матерью, отец с ним был только по вечерам и в выходные дни. Однако именно от отца Вася всему научился, очень быстро усваивая правила чтения и письма.

Александровы с первым сыном Васей, 1914 год

Для матери первые годы после переезда в Петроград стали самыми лучшими! Из всех прошлых и будущих периодов ее жизни этот единственный был отрядным. И до и после этого она не знала ничего, кроме нищеты и изнурительного физического труда. А в десятые годы 20 века она занималась только уходом за желанными и пока немногочисленными детьми и вела небольшое домашнее хозяйство.

В череде рождений возник и я

Небольшая поначалу семья Александровых жила гораздо более дружно и счастливо, чем семья Куликовых. Отец работал, а мама воспитывала детей. Но роли эти иногда менялись: по выходным именно папа становился воспитателем – учил нас читать, писать, считать, сам читал нам вслух книги... Ему, как я помню, это доставляло удовольствие, а неграмотная мама, которая ничего этого не умела, освободившись на выходные от детей, занималась наиболее трудоемкой работой: стирка, починка одежды, заготовка продуктов...

Но однажды и мама попробовала найти хотя бы небольшой заработок. Напекла сдобных бубликов (это она умела отлично!) и пошла на базар – продавать их. Но в первый же раз торговля принесла убыток в несколько копеек. Мама же совсем плохо считала! В те годы, когда все дети учатся, уже работала прислугой... На опыте с бубликами вся ее деятельность вне дома и закончилась. А вскоре она и не смогла бы заниматься ничем иным, кроме семьи: количество детей с каждым годом увеличивалось, дойдя в 1935 году до девяти человек. И все – мальчики, кроме сестры Раи, которая родилась последней.

В 1914 году появился второй сын Володя. Мой второй старший брат. О его детских годах родители вспоминали, в основном, то, что Володю в родильном доме чуть не перепутали, и некоторое время они приглядывались к малышу с подозрением: не чужой ли это ребенок?

Дело было так: когда после родов младенца принесли к матери, она в первые минуты отказалась от него! И попросила медсестру проверить, не перепутали ли новорожденных? Уж очень этот малыш был не похож на Васю, да и на родителей. Медсестры тоже это заметили. И принесли другого ребенка, но этот показался матери еще более чужим, и она попросила вернуть первого.

Володя рос в нашей семье, но сомнения остались! После него родились я и брат Дима, и ни с одним из нас, включая Васю, у Володи сходства не было. Он имел очень большой нос, а остальные сыновья были курносими... Да и в другие черты лица у нас отличались. Несколько лет и мать с отцом, и братья, считали, что Володя – не наш! Настоящего Володю Александра отдали другой женщине... Однако впоследствии, когда все мы подросли и родился Владик, родители это мнение изменили. У всех нас стали более отчетливыми общие черты лица, к тому же Владилен и Володя несомненно похожи! Мы с Дмитрием от них отличались, но были очень похожи друг на друга. Вася же стоял особняком, имел несколько другой тип внешности, чем и Владя с Володей, и мы с Димой.

Сейчас, разглядывая фотографии братьев и Раи, я четко вижу, что общие черты лица есть у всех. Иногда это сходство едва уловимое, иногда более выражено, но оно есть! Но еще более заметно другое сходство, не физическое. У нас у всех проявился литературный талант – у кого-то более выраженный, у кого-то (как у меня) это просто тяга писать, потребность фиксировать свою жизнь, вести дневник.

Рая сочиняла стихи и даже публиковала их в журналах, Володя и Дима стали профессиональными журналистами. И все мы, всю жизнь, запоем читали! Откуда идет эта общая фамильная черта? Не по линии матери, конечно. Дмитриевы, кроме дяди Николая, были неграмотными людьми, но и более менее грамотный дяди писать не пытался. Конечно, все мы не раз задумывались: кем были наши дед и бабушка по линии отца? Жалко, что тайна эта никогда не раскроется...

...И вот в череде рождений наступил момент и для меня. Из ничего возник живой организм, будущий человек. Это случилось 3 июля 1917 года (20 июня по старому стилю). Через

5 дней в храме Петра и Павла, в книге актов о рождениях, появилась запись №114 от 25 июня 1917 года:

«№ акта – 114,

Дата рождения – 20 июня.

Дата регистрации – 25 июня.

Имя ребенка – Сергей.

Фамилия, имя, отчество и сведения о родителях – крестьяне Петроградской губернии, Лужского уезда, Хмеро-Посолодинской волости, деревни Посолодино Александр Александров и законная жена его Матрёна Васильевна, оба православные и первобрачные.

Сведения о воспитанниках – Мещанин города Пскова Николай Дмитриевич Дмитриев и мещанка города Петрограда девица Ксения Николаева».

Вот такой любопытный документ сохранился в семейном архиве! Хотя родители мои давно уже жили в Петрограде, но по правилам тех лет они считались крестьянами деревни Посолодино, так как сословная принадлежность людей определялась не их нынешним социальным положением и реальным местом жительства, а происхождением. Поэтому и дядя Николай, мой крестный, с ранних лет живущий в Петрограде, все равно числился мещанином г. Пскова. А кем в действительности была моя крестная мать Ксения, я не смог узнать и до сих пор не знаю.

Петроград, ставший потом Ленинградом, – это моя родина не только по месту рождения и крещения, но и истинная родина в том смысле, что тут состоялся переход к взрослой жизни, тут я стал осознавать себя как личность, сделал первые шаги к профессии и образу жизни. Но в раннем детстве, в пору моего бессознательного существования на земле, я провел в Петрограде всего около двух лет. Началась гражданская война, голод и разруха, семья наша, стремительно становившаяся многодетной, в городе выжить не смогла бы. Пришлось родителям вернуться в село Посолодино и вновь заняться крестьянской работой.

Но на всю жизнь где-то в глубинах моего мозга сохранились смутные воспоминания о петроградском периоде детства. Я не помню лиц людей, которые были тогда рядом, не помню звуков, а только сильный запах лекарств и темно-желтый цвет... Мать говорила о том, что во младенчестве я болел какой-то серьезной болезнью, она носила меня в больницу.

Видимо, пережитые боль и испуг пробудили мое сознание, я запомнил цвет стен приемного отделения больницы и запах лекарств. Хотя ничего еще в принципе помнить не мог! Но воспоминания идут именно из раннего возраста, это подтверждается тем фактом, что после Петрограда, в селе, я никогда не бывал в больнице, несмотря на частые болезни: в Посолодино даже медпункта не было. Только будучи уже 12-13-летним подростком, я впервые поехал с отцом на лошади в сельскую больницу, расположенную в 10-ти километрах от нас, в бывшем помещичьем имении Павла Буре.

В Посолодино я жил до 1935 года, до призыва в армию. Окончил там советскую восьмилетку (средней школы в селе не было), потом в Луге отучился на курсах колхозных счетоводов. Тогда это учебное заведение называлось курсами, но по сути уже было техникумом, который готовил бухгалтеров, потом техникумом и назвали. Работал я в должности «счетовода» (по современному, бухгалтера) недолго, пришла пора служить в армии.

Самое старое фото отца! Это еще до войны: срочная служба на флоте

После срочной службы на флоте я стал курсантом ЭМШ (экономической морской школы) при Учебном отряде КБФ в городе Кронштадте. Окончив школу, остался служить там же, в Кронштадте, в Управлении этого отряда. Там и встретил войну...

А дальше пошла уже совсем другая биография, начались годы, о которых писать трудно, да и времени на это совсем не было.

Любимая Балтика в годы войны (1941 – 1945)

Как я попал в бригаду морской пехоты...

В начале Великой Отечественной войны (1941 год) я служил в Управлении учебного отряда КБФ (Краснознаменный балтийский флот) в г. Кронштадт.

Наше управление в то время уже не готовило специалистов для кораблей флота, а занималось формированием бригад морской пехоты из курсантов своих школ: школы оружия, ЭМШ, связи, а также объединенной школы. Позднее к курсантам стали присоединяться и бойцы, прибывающие в Кронштадт после отступления наших пехотных войск.

Тяжело было смотреть, как фашистские войска продвигаются от границы вглубь Родины, а мы вынуждены отступать. Наступил момент, когда в нашей области свободными остались только сам Ленинград и Кронштадт, защищенный фортами. Начиналась блокада Ленинграда.

Понятно, что учебные занятия в школах нашего Управления полностью прекратились: весь личный состав уходил в бригады морской пехоты. Сначала была создана морская десантная группа во главе с полковником Ворожиловым. Несколько сотен краснофлотцев этой группы, вооруженных автоматами и ножами, ночью на баркасах, были брошены на Петергоф. Однако эта операция по освобождению Петергофа не удалась. Никто из бойцов назад не вернулся...

Будучи уже тогда членом коммунистической партии, я решил, что мое место – на фронте, и подал рапорт об отправке на фронт. Между прочим, почти все курсанты наших школ тоже подали такие рапорты – они приходили как раз ко мне в Управление, хранились лично у меня, и было их несколько тысяч.

Из этих добровольцев были сформированы и отправлены на фронт 6 бригад морской пехоты. Когда формировалась 7-я, то туда был зачислен и я – в должности заведующего делом производством оперативного отделения штаба бригады.

Так как уже совсем рядом, в Петергофе, находились немцы, то отправка нас в Ленинград происходила ночью, кораблем, и мы прибыли на В.О. в Управление подплава, где происходило доформирование. Работы было много. Мне приходилось собирать и клеить карты линии фронта, которая часто менялась, приводить в порядок личные дела бойцов, данные о которых поступали в спешном порядке и не всегда были точными.

Командный офицерский состав был назначен из армейских пехотных офицеров, и нас вначале поставили в район за Волковским кладбищем. Но очень скоро переместили на передовую линию – на место бывшей «Бондаревской дивизии» в 42-ю или 55-ю армии.

И как был ранен в голову

Наш штаб располагался на заводе «Лен металлург» – это в районе Колпино-Мга и реки Московская Славянка. В одну из ночей штаб обстреляли немцы, и я был ранен в голову и шею осколками снаряда, при этом еще засыпан обломками разрушенных стен ближнего дома – хорошо, что меня быстро нашли, сам бы не выбрался.

Дорога, по которой повезли в санбат меня и других раненых, вся обстреливалась – вражеские снаряды рвались и спереди, и сзади, и с обоих боков. Шофер не смог доехать до санбата и повернул на более безопасную дорогу к эвакогоспиталю, который находился на берегу речки Московская Славянка. Один из раненых умер в машине, я много раз терял сознание... Последний раз – уже в эвакогоспитале, где мне оказали первую помощь.

Через несколько часов меня и других раненых отправили пароходом в Ленинград. Там я лечился сначала в обычном госпитале, потом в батальоне выздоравливающих. Раны и контузия заживали долго.

После лечения я был назначен в 256-ю авиабазу ВВС КБФ офицером по учету личного состава. И служба моя продолжилась на аэродроме «Гражданка», который был перебазирован из м. Котлы.

На нашем аэродроме стояли два бомбардировочных полка. Такие известные летчики, как Клименко, Карасев, Степанян и другие летали бомбить Берлин! Мы все старались для Победы. Наряду с основными обязанностями, нам всем – и матросам, и офицерам – приходилось много работать по обеспечению полетов. В суровые зимы 1941—42 и 1942—43 годов мы постоянно чистили снег на аэродроме, очищали стоянки самолетов, разгружали вагоны с боеприпасами, набивали снарядами ленты пулеметов...

И все это – под огнем! Аэродром непрерывно обстреливали орудиями и бомбили с воздуха. Налеты фашистской авиации происходили по ночам – несколько раз за ночь. Небо при этом освещалось от прожекторов и взрывов зенитных снарядов, осколки которых устилали землю...

Как выживал блокадный Ленинград

Уже в ноябре 41-ого я начал страдать от голода. Есть хотелось постоянно и очень сильно. К бомбежкам и обстрелам мы уже привыкли, но переносить голод было гораздо тяжелее. Летчиков кормили относительно хорошо, для техников тоже был особый паек, а для нас, «тыловых», – очень скудный. Мы получали по 300 гр. хлеба или 180 гр. сухарей на день, остальная часть пайка была так мала, что уже после обеда все время хотелось есть.

Почти все болели дистрофией, а если кто-то ел больше соли и пил больше воды, – эти люди опухали. На нашей базе за два года умерли шесть матросов. Я бы тоже умер, но вовремя попал в военно-морской госпиталь для выздоравливающих командиров КБФ – на 10 дней, и там меня немного подкормили. Для того, чтобы не заболеть цингой, мы пили отвар хвои.

Мы болели дистрофией, но сутками работали под огнем

Штаб ВВС КБФ находился в Адмиралтействе, мне приходилось там часто бывать, чтобы сверяться по вопросу учета личного состава и аттестации офицеров, и я видел, как живет остальной Ленинград. Большинство зданий было разрушено, все стены – в царапинах; памятники сняли и спрятали; транспорт не ходил, только военные машины; улицы не чистили, освещения не было. Да что освещение! Отопления в домах тоже не было... Люди спасались буржуйками, которые топили, чем попало, чаще всего – разломанной мебелью. И водопровод не работал, за водой ходили на Неву.

Но девушки даже в таких нечеловеческих условиях пытались одеваться «по моде»! Модными стали шапки-ушанки, полушубки или хотя бы фуфайки. На ноги надевали парусиновые сапоги, в холода – валенки. За все время блокады я не видел ни одной женщины в юбке.

Сколько же людей умерло! В гроб их не укладывали, потому что не было дерева. Трупы обшивали тряпками, а кто и этого не имел, просто заворачивали во что-то и выбрасывали на улицу. Потом специальные команды собирали останки несчастных и свозили в определенные места. Я своими глазами видел штабеля трупов в одном из бывших садов Ленинграда, который стал таким печальным местом.

Но Ленинград и в таких условиях жил – боролся, бомбил Берлин. Продолжалась работа на заводе хотя как там люди выдерживали смены, я не понимаю... Наконец была открыта

«дорога жизни» через Ладожское озеро, и нам понемногу, по граммам, начали увеличивать пайки. А потом дожили мы и до подарков по праздникам! В них были вино, сыр, конфеты... Более существенное улучшение снабжения началось после прорыва блокад, когда в Ленинград пошли поезда.

В апреле 1943 года меня направили в Москву – на курсы усовершенствования офицерского состава. По их окончании я был распределен на Северный флот, где участвовал в обороне Заполярья до конца войны. День Победы встретил на острове Новая земля...

Трагический рейс на Новую землю (Дополнение к заметкам о Балтике)

О трагедии, которая случилась в Заполярье в то время, когда отец там служил, много писали, он тоже рассказывал об этом, но только то, что видел сам, что лично пережил тогда. Это именно его воспоминание, неважно, что не записанное, в цикл моих оно войти не может.

Свидетелей гибели в Карском море парохода «Марина Раскова» и сначала было мало, а вскоре вообще не осталось, поэтому я решила дополнить заметки отца этим его устным рассказом.

12 августа 1944 года немецкие подлодки атаковали и потопили пароход с полярниками. Судно было огромным по меркам того времени – 120 метров в длину, его потом называли советским «Титаником». Корабль должен был доставить на полярные станции продовольствие, топливо, материалы и рабочих-сменщиков вместе с их семьями – женами и детьми...

Родители мои плыли из Архангельска на Новую Землю не на «Марине Расковой», а на одном из катеров – тральщиков, которые сопровождали пароход в качестве конвоя. Они были кадровыми офицерами и, хотя возвращались к месту службы из небольшого отпуска, но отец попутно выполнял на тральщике какое-то задание. Гибели они избежали тогда поистине чудом...

Вот такими они были на тральщике – настоящие полярники!

– Мы с Дорочкой стояли на палубе, так как у нее разыгралась морская болезнь, сильно тошнило. Да и нервотрепка была весь день: с соседних кораблей сообщали, что проходим минные поля. Чтобы успокоиться, я смотрел на волны. И вдруг... за бортом четко обозначился перископ подводной лодки! А нас на берегу уверяли, что немцы сюда не заплывают. Но вот он, факт!

Что делать? Бежать и сообщить командиру судна? Не успею. Если подлодка выстрелит торпедой, то жить остается считанные минуты. Обнял я жену за плечи и говорю: «Дорусенька, давай прощаться!»

Прощаться... А ведь недавно поженились, командировка в Архангельск была вместо свадебного путешествия. Она не поняла, подумала, что я собрался уйти спать в каюту. И я тут же решил, что объяснять не стоит. Обнял ее еще крепче, прижал к себе и думаю: только бы быстрее все произошло, только бы она меньше мучилась... О себе мысли не было, только горечь от того, что ничего не смогу сделать для любимой. И очень сильный страх за нее!

Но страшные секунды, а потом и пара минут, прошли, с тральщиком ничего не случилось. Я сообразил, что подлодка подошла слишком близко и сама бы пострадала в случае удара. Но залп вскоре прозвучал – торпеда попала в соседний тральщик.

Тут уже и жена моя поняла, что происходит, мы вместе метались по палубе, с ужасом наблюдая, как люди пытаются спастись на шлюпках или плоту. Среди тонущих были наши хорошие знакомые, сослуживцы по аэродрому на Новой Земле. Кого-то наш тральщик подобрал, но не всех...

Когда отец мне рассказывал об этой трагедии, то название основного судна – «Марина Раскова» – я пропускала «мимо ушей», так как мне это ни о чем не говорило. Только через много лет поняла, участниками какого происшествия стали мои родители, но расспросить обо всем более подробно было уже некого...

Я сама отыскала в интернете сведения и выяснила вот что. Эскортных тральщиков было три: ТЩ-114, 116 и 118. Они имели самые современные по тому времени гидроакустические средства обнаружения подводных лодок и противолодочное оружие и улавливали приближение торпеды с расстояния 12—15 кабельтовых. Но в Карском море тем летом начала орудовать немецкая ударная группа «Грайф» – шесть подводных лодок, которые стреляли бесшумными торпедами с расстояния в 25—30 кабельтовых! Об этом никто не знал, приборы тральщиков молчали.

Когда «Марина Раскова» была торпедирована первый раз, ее экипаж решил, что судно попало на мину. Больше 200 человек, из которых 136 – женщины и дети, посадили в шлюпки и переправили на один из тральщиков. Казалось, люди избежали страшной гибели. Но потом взрыв прозвучал и на самом тральщике, за ним и на втором. Какой-то из этих моментов торпедирования и наблюдал мой отец.

Подлинное фото тральщика ТЩ 116

Конвойному судну ТЩ 116, на котором находились они с мамой, единственному удалось уйти и увезти спасенных с «Марины Расковой» пассажиров. Капитан тральщика вовремя осознал, что это не мины! Суда атакованы торпедами, и есть только один шанс спасти людей – поскорее покинуть место боя. На тральщике ТЩ-116 спаслись 186 пассажиров парохода и собственный экипаж, в том числе мои родители. «Марину Раскову» и всех, кто еще на ней оставался, немцы добились потом контрольным выстрелом, но ТЩ-116 был в это время уже далеко, отец этого видеть не мог...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.